



# глава

## 1



### КАРТИНА В ДЕТСКОЙ

**Ж**ил-был мальчик, которого звали Юстас Кларенс Вред, и фамилия подходила ему как нельзя лучше. Родители называли его Юстасом Кларенсом, а учителя — Вредом. Не могу сказать, как обращались к нему друзья, потому что друзей у него не было. Он звал своих родителей не «папа» и «мама», а по имени, Гарольд и Альберта. Они были чрезвычайно современными и передовыми людьми: ели вегетарианскую пищу, не курили, не пили, носили экологически чистое бельё. В их доме почти отсутствовала мебель, кровати в спальне были жёсткими, а окна всегда стояли нараспашку. Юстасу

Кларенсу нравились животные, особенно насекомые: мёртвые, насаженные на булавку жуки, — а ещё книги, в которых содержались точные сведения и фотографии элеваторов или толстеньких иностранных детей, занимающихся физическими упражнениями в образцовых школах.

Юстас Кларенс недолюбливал своих родственников, четверых детей семейства Певенси: Питера, Сьюзен, Эдмунда и Люси, — но обрадовался, узнав, что Эдмунд и Люси какое-то время проживут у них. В глубине души он любил командовать, обожал кого-нибудь поддразнивать, и хотя был маленьким и слабым, а если бы дело дошло до драки, не сумел бы справиться даже с Люси, не говоря уже об Эдмунде, ему были известны десятки способов испортить жизнь кому угодно, если он был у себя дома, а эти кто угодно у них гостили.

Эдмунда и Люси вовсе не радовала перспектива пожить у дяди Гарольда и тёти Альберты, но ничего не поделаешь: их отца пригласили на четыре месяца в Америку читать цикл лекций, и маме пришлось поехать с ним, потому что она десять лет не отдыхала по-настоящему. Питеру

предстояло провести каникулы у старого профессора Кёрка, под руководством которого он усердно готовился к экзаменам. Именно в доме профессора эти четверо детей пережили чудесные приключения несколько лет назад, во время войны. Если бы он по-прежнему жил в том же доме, они все могли бы остаться у него, но с тех пор профессор обеднел и жил теперь в небольшом коттедже, где была всего одна гостевая спальня. Взять остальных детей в Америку было слишком дорого, поэтому с родителями поехала только Сьюзен.

Она считалась самой красивой из детей Пенвенци и при этом не блистала успехами в школе, хотя во многих отношениях была совершенно взрослой, и мама решила, что ей поездка в Америку даст гораздо больше, чем младшим. Эдмунд и Люси старались не завидовать Сьюзен, но перспектива провести летние каникулы у тётушки наводила на них тоску.

— У тебя хоть своя комната будет, — посетовал Эдмунд, — а мне придётся делить спальню с этим противным Юстасом.



Эта история началась ближе к вечеру, когда Эдмунд и Люси улучили несколько драгоценных минут, чтобы побыть вдвоём. И конечно, говорили они о Нарнии — своей собственной тайной стране. Думаю, у большинства из нас есть своя тайная страна, но только воображаемая. В этом отношении Эдмунду и Люси повезло больше, чем другим: их тайная страна существовала на самом деле, им даже удалось дважды её посетить — не в игре, не во сне, а наяву. Разумеется, они попа-

дали туда волшебным образом, иначе до Нарнии не добраться, и главное — получили обещание, или почти обещание, что когда-нибудь туда вернуться, поэтому неудивительно, что они беспрестанно говорили об этом, как только выпадала возможность.

Сидя на краешке кровати в комнате Люси, они разглядывали картину на противоположной стене, единственную во всём доме, которая им нравилась. А тётке Альберте она совсем не нравилась, поэтому её и повесили в небольшой задней комнате на верхнем этаже, но избавиться от неё не представлялось возможным: это был свадебный подарок от человека, которого ей не хотелось обидеть.

На картине был изображён корабль, который плыл прямо на вас. Его позолоченный нос был выгнут в виде морды дракона с широко открытой пастью. Корабль был одномачтовый, с квадратным парусом роскошного пурпурного цвета. Борта корабля — насколько можно было разглядеть их цвет там, где кончались золочёные крылья дракона, — были зелёными. Корабль вздымался



на гребне чудесной синей волны, а ближайшая волна обрушивалась на вас, переливаясь синевой и пенясь. Корабль, несомненно, летел вперёд, а весёлый ветерок дул с левого борта. Солнечные лучи заливали корабль, и вода у борта отливала зелёным и пурпурным, а с другого борта была тёмно-синей от тени корабля.

— Вопрос в том, — заметил Эдмунд, — не становится ли хуже, когда глядишь на нарнийский корабль, а попасть на него не можешь.

— Глядеть всё-таки лучше, — отозвалась Люси. — А корабль совершенно нарнийский.

— Опять старые игры? — с ухмылкой спросил Юстас Кларенс, который подслушивал под дверь, а теперь вошёл в комнату. Прошлым летом, когда гостил в семействе Певенси, он слы-

шал эти разговоры о Нарнии, и ему нравилось поддразнивать кузенов. Разумеется, он считал, что всё это выдумки, а поскольку сам был слишком глуп, чтобы что-то придумать, то ему это не нравилось.

— Тебя сюда не звали! — отрезал Эдмунд.

— Я сочиняю лимерик, — сказал Юстас. —  
Что-то вроде:

*Ребята, болтая про Нарнию,  
Становятся придурковатыми...*

— Ну, прежде всего, «Нарнию» и «придурковатыми» не рифмуются, — заметила Люси.

— Это ассонанс, — возразил Юстас.

— Только не спрашивай его, что такое «ассо-что-то-там», — вмешался Эдмунд. — Он только и ждёт, чтобы ему задали вопрос. Ничего не говори — может, он уйдёт.

Большинство ребят на месте Юстаса либо тут же ушли бы, либо рассердились, но он остался, продолжая ухмыляться, и снова завёл разговор:

— Вам нравится эта картина?



— Бога ради, не давай ему заговорить о живописи, — поспешно предупредил Эдмунд, но Люси, исключительно правдивая девочка, уже ответила:

— Да, очень нравится.

— Картина дрянь! — заявил Юстас.

— Если ты уйдёшь, то не будешь её видеть, — буркнул Эдмунд.

— Чем она тебе нравится? — обратился Юстас к Люси.

— Ну, прежде всего тем, что корабль будто в самом деле движется. И вода кажется настоящей, и волны словно действительно вздымаются и опадают.

Конечно, Юстас мог бы возразить, но ничего не сказал, потому что в эту самую минуту взглянул на волны и тоже увидел, что они и в самом деле поднимаются и опускаются. Он всего лишь раз плавал на корабле (совсем недалеко, на остров Уайт) и ужасно страдал от морской болезни, поэтому от вида волн на картине ему снова стало плохо. Он хоть и позеленел, но решился взглянуть на картину ещё раз. И тут все трое застыли с открытыми ртами.

В то, что они увидели, трудно поверить, даже когда читаешь об этом. Вдруг всё, что было изображено на картине, пришло в движение, но совсем не так, как в кино: цвета были чище и реальнее, чувствовалось движение воздуха. Нос корабля пошёл вниз и взрезал волну, так что взлетели брызги. Затем позади корабля поднялась новая волна, и в первый раз стали видны корма и палуба, но потом исчезли, и судно словно отвесило поклон. В ту же минуту тетрадь, лежавшая на кровати возле Эдмунда, поднялась, зашелестела страницами и поплыла по воздуху к стене, а Люси почувствовала, что от ветра развеваются волосы. И действительно поднялся ветер — только дул он на них с картины. Вместе с ветром донеслись и другие звуки: шуршание волн, плеск воды о борта корабля, скрип и перекрывавший всё остальное гул воздуха и воды. Но именно запах — сильный запах соли — окончательно убедил Люси в том, что это не сон.

— Прекратите! — крикнул Юстас писклявым от испуга и злости голосом. — Вы придумали эту дурацкую игру. Перестаньте, а то пожалуюсь Альберте. О-о!

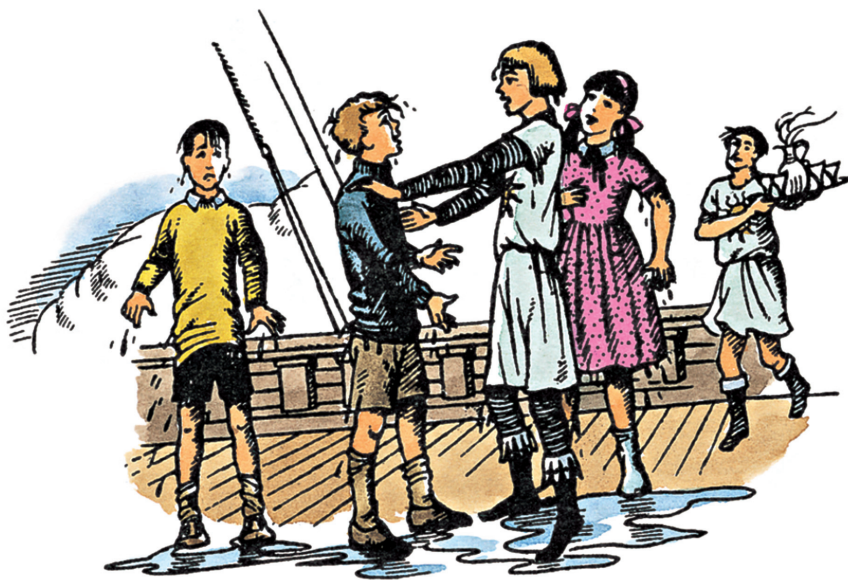
Люси и Эдмунд привыкли к приключениям, но и они могли только, как Юстас, воскликнуть «о-о!», потому что из рамы на них выплеснулась большая холодная солёная волна и окатила с головы до ног.

— Сейчас я выкину эту дрянь! — завопил Юстас, и тут произошло сразу несколько событий.

Юстас кинулся к картине. Эдмунд, который кое-что понимал в волшебстве, бросился за ним с криком, чтобы тот был осторожнее и не валял дурака. Люси ухватилась за него с другой стороны, и её потащило вперёд. К этому времени либо они сделались гораздо меньше, либо картина увеличилась в размерах. Юстас прыгнул, чтобы сорвать её со стены, очутился на раме, и перед ним было не стекло, а настоящее море, и волны набегали на раму, как набегали бы на скалы. Крик Юстаса слышался не больше секунды, и как раз когда ребята немного успокоились, на них обрушилась огромная волна, сбילה с ног и потащила в море. Отчаянный крик вдруг оборвался — видимо, в рот Юстасу попала вода.

Люси поблагодарила судьбу за то, что за лето хорошо научилась плавать. Правда, неплохо бы плыть помедленнее, да и вода оказалась намного холоднее, чем можно было подумать, глядя на картину. Всё же голову она держала над водой и даже ухитрилась сбросить туфли, что следовало сделать в первую очередь, если оказался в воде в одежде. Рот у неё был закрыт, а глаза открыты. Они всё ещё находились возле корабля, ей был виден возвышавшийся над ними зелёный борт и люди, смотревшие на неё с палубы. Затем, что было вполне ожидаемо, Юстас в панике уцепился за неё, и оба пошли ко дну.

Вынырнув, Люси успела заметить, как с борта корабля в воду прыгнула белая фигура. Эдмунд подплыл, оторвал от неё завывавшего Юстаса, затем кто-то смутно знакомый подхватил её под руку с другой стороны. С корабля доносились крики, над фальшбортом виднелись головы, потом с борта сбросили канаты, и Эдмунд с незнакомцем обвязали её. После этого всё происходило как в замедленной съёмке, так что лицо у неё успело посинеть, а зубы начали выбивать дробь.



В действительности же люди наверху просто выжидали момент, чтобы её можно было втащить на палубу, не ударив о борт. Но когда Люси в конце концов оказалась там, несмотря на все старания, на коленке у неё красовался огромный синяк. Её била дрожь, а с одежды стекала вода. Потом на палубу вытащили Эдмунда, а следом за ним — несчастного Юстаса. Последним появился тот самый юноша, что показался ей знакомым: золотоволосый, немногим старше её.

— Ка... Каспиан! — воскликнула Люси, как только смогла дышать.

Да, это был он, нарнийский мальчик-король, которому они в своё время помогли взойти на трон. И Эдмунд тоже сразу узнал его. Они обменялись рукопожатиями и с удовольствием похлопали друг друга по спине.

— А это ваш друг? — сразу же поинтересовался Каспиан, поворачиваясь к Юстасу с ободряющей улыбкой.

Тот так рыдал, как не позволил бы себе любой другой мальчик его возраста из-за того, что всего-навсего промок:

— Отпустите меня! Я хочу уйти. Мне здесь не нравится...

— Уйти? — переспросил Каспиан. — Но куда?

Юстас бросился к борту, словно ожидал увидеть нависшую над морем раму картины или комнату Люси, но его взору предстали лишь синие волны с гребешками пены и голубое небо, простирающееся до самого горизонта. Наверное, не стоит винить его в том, что сердце у него ушло в пятки, а желудок подскочил к горлу.